

Тематические сборники «Переклички вестников»
**Сборник № 92. «Лишь в грозный год народных бедствий
мы осознали нашу цель»**

Выпуск № 1069

Анна Ахматова

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идёт выручать Ленинград?

Не шумите вокруг – он дышит,
Он живой ещё, он всё слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!»
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон – смерть.

1941

Арсений Тарковский

Проводы

Вытрет губы, наденет шинель,
И, не глядя, жену поцелует.
А на улице ветер лютует,
Он из сердца повывудет хмель.

И потянется в город обоз,
Не добудешь ста грамм по дороге,
Только ветер бросается в ноги
И глаза обжигает до слёз.

Был колхозником – станешь бойцом.
Пусть о родине, вольной и древней,
Мало песен сложили в деревне –
Выйдешь в поле, и дело с концом.

А на выезде плачет жена,
Причитая и руки ломая,
Словно чёрные кони Мамая,
Где-то близко, как в те времена,
Мчатся, снежную пыль подымая,
Ветер вьёт, и звенят стремяна.

1943

Выпуск № 953

Арсений Тарковский

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать, –
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать.

Мне бы ехать с бойцами,
Грызть бы мне сухари,
Петь да спать бы ночами
От зари до зари,

У вокзалов разбитых
Брать крутой кипяток –
Бездомовный напиток –
В жестяной котелок.

Мне б из этого рая
Никуда не глядеть,
С темнотой засыпая,
Ничего не хотеть –

Ни дороги попятной,
Разорённой войной,
Ни туда, ни обратно,
Ни на фронт, ни домой, –

Но торопит, рыдая,
Песня стольких разлук,
Жизнь моя кочевая,
Твой скрежещущий стук.

1943

Давид Самойлов

Сороковые

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...

Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

1961

Выпуск № 95

Мария Петровых

Мы начинали без заглавий,
Чтобы окончить без имён.
Нам даже разговор о славе
Казался жалок и смешон.

Я думаю о тех, которым
Раздоры ль вечные с собой
Иль нелюбовь к признаньям скорым
Мешали овладеть судьбой.

Не в расточительном ли детстве
Мы жили раньше? Не во сне ль?
Лишь в грозный год народных бедствий
Мы осознали нашу цель.

И можем быть сполна в ответе
За счастье встреч и боль потерь...
Мы тридцать лет росли как дети,
Но стали взрослыми теперь.

И яростную жажду славы
Всей жизнью утолить должны,
Когда Россия пишет главы
Освобождающей войны, –

Без колебаний, без помарок –
Страницы горя и побед,
А на полях широких ярок
Пожаров исступлённый свет...

Живи же, сердце, полной мерой,
Не прячь на бедность ничего
И непоколебимо веруй
В звезду народа твоего.

Теперь спокойно и сурово
Ты можешь дать на всё ответ,
И скажешь ты два кратких слова,
Два крайних слова: да и нет.

А я скажу: она со мною,
Свобода грозная моя!
Совсем моей, совсем иною
Жизнь начинается, друзья!

1943

Давид Самойлов

Если вычеркнуть войну,
Что останется – не густо.
Небогатое искусство
Беречь свою вину.

Что ещё? Самообман,
Позже ставший формой страха.
Мудрость – что своя рубаха
Ближе к телу. И туман...

Нет, не вычеркнуть войну.
Ведь она для поколенья –
Что-то вроде искупленья
За себя и за страну.

Простота её начал,
Быт жестокий и спартанский,
Словно доблестью гражданской,
Нас невольно отмечал.

Если спросят нас гонцы,
Как вы жили, чем вы жили?
Мы помалкиваем или
Кажем шрамы и рубцы.

Словно может нас спасти
От упрёков и досады
Правота одной десятой,
Низость прочих девяти.

Ведь из наших сорока
Было лишь четыре года,
Где прекрасная свобода
Нам, как смерть, была близка.

Выпуск № 914

Даниил Андреев

Враг за врагом.

На мутном Западе
За Рону, Буг, Дунай и Неман
Другой, страшнейший смотрит демон
Стоногий спрут вечерних стран:
Он утвердил себя как заповедь,
Он чертит план, сдвигает сроки,
А в тех, кто зван, как лжепророки –
Вдвигает углем свой коран.

Он диктовал поэтам образы,
Внушал он марши музыкантам,
Стоял над Кернером, над Арндтом
По чердакам, в садах, дворцах,
И строки, чёткие как борозды,
Ложились мерно в белом поле,
Чтобы затем единой волей
Зажить в бесчисленных сердцах:

Как штамп, впечататься в сознание,
Стать культом шумных миллионов,
Властителей старинных тронов
Объединить в одну семью,
И тело нежное Германии
Облечь в жестокое железо –
Бряцающую антитезу
Эфиросных тел в раю.

Он правит бранными тайфунами,
Велит громам... Он здесь, у двери –
Народ-таран чужих империй,
Он непреклонен, груб и горд...
Он пьян победами, триумфами,
Он воет гимн, взвывает флаги,

И в цитадель священной Праги
Вступает поступью когорт.

1941

Анна Ахматова

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

1942

Выпуск № 1357

Мария Петровых

Чистополь

Город Чистополь на Каме...
Нас дарил ты, чем богат.
Золотыми облаками
Рдел над Камою закат.
Сквозь тебя четыре ветра
Насмерть бились день и ночь.
Нежный снег ложился щедро,
А сиял – глазам невмочь.
Сверхъестественная сила
Небу здешнему дана:
Прямо в душу мне светила
Чистопольская луна.

И казалось, в мире целом
Навсегда исчезла тьма.
Сердце становилось белым,
Сладостно сходя с ума.
Отчуждённостью окраски
Живо всё и всё мертво –
Спит в непобедимой сказке
Город сердца моего.
Если б не росли могилы
В дальнем грохоте войны,
Как бы я тебя любила,
Город, поневоле милый,
Город грозной тишины!
Годы чудятся веками,
Но нельзя расстаться нам –
Город Чистополь на Каме,
На сердце горящий шрам.

1943

Даниил Андреев

Беженцы

Киев пал. Всё ближе знамя Одина.
На восток спасаться, на восток!
Там тюрьма. Но в тюрьмах дремлет Родина,
Пряха-мать всех судеб и дорог.
Гул разгрома катится в лесах.
Троп не видно в дымной пелене...
Вездесущий рокот в небесах
Как ознобом хлещет по спине.

Не хоронят. Некогда. И некому.
На восток, за Волгу, за Урал!
Там Россию за родными реками
Пять столетий враг не попирал!..
Клячи. Люди. Танк. Грузовики.
Стоголосый гомон над шоссе...
Волочить ребят, узлы, мешки,
Спать на вытоптанной полосе.

Лето меркнет. Чёрная распутица
Хлюпает под тысячами ног.
Крутится метелица да крутится,
Заметает тракты на восток.
Пламенеет небо назади,
Кровянит на жниве кромку льда,
Точно пурпур грозного судьи,
Точно трубы Страшного Суда.

По больницам, на перронах, палубах,
Среди улиц и в снегах дорог
Вечный сон, гасящий стон и жалобы,
Им готовит нищенский восток.
Слишком жизнь звериная скудна!
Слишком сердце тупо и мертво.
Каждый пьёт свою судьбу до дна,
Ни в кого не веря, ни в кого.

Шевельнулись затхлые губернии,
Заметались города в тылу.
В уцелевших храмах за вечернями
Плачут ниц на стёршемся полу:
О погибших в битвах за Восток,
Об ушедших в дальние снега
И о том, что родина-острог
Отмыкается рукой врага.

Выпуск № 359

Даниил Андреев

из цикла «Янтари»

В жгучий год, когда собирает родина
Плод кровавый с поля битв, когда
Шагом бранным входят дети Одина
В наши дрогнувшие города;

В дни, когда над каждым кровом временным
Вой сирен бушует круговой
И сам воздух жизни обесцененной
Едко сух, как дым пороховой –

В этот год само дыханье гибели
Породило память дней былых,
Давних дней, что в камне сердца выбили
Золотой, ещё не петый стих.

Как чудесно, странно и негаданно
Этот стих рождался – о тебе,
Без раздумий, без молитв, без ладана, –
Просто – кубок в золотой резьбе.

И прошла опять, как в сонном празднике,
Череда необратимых дней, –
Наше солнце, наши виноградники,
Пена бухт и влажный мох камней.

Может быть, таким лучом отмечено
Наше сердце было только раз
И непоправимо искалечены
Будем мы железной битвой рас.

Пусть же здесь хранится в звонком золоте
Этот мёд, янтарный и густой, –
Наша радость, наша кровь и молодость –
Дней былых сияющий настой.

1942

Мария Петровых

Завтра день рожденья твоего.
Друг мой, чем же я его отмечу?
Если бы поверить в нашу встречу,
Больше мне не надо ничего.

Ночью здесь такая тишина,
Звёзды опускаются на крышу,
Но, как все, я здесь оглушена
Грохотом, которого не слышу.

Ведь запевы смертоносных пуль
Нам доносит только сновиденье.
Милый мой, скажи, не потому ль
Мы – не мы, мы немые, словно тени?

Неужели мы свою судьбу
Обошли дорогою неправой?..
Кто же за меня лежит в гробу?
Кто, слабея, гложет снег кровавый?

Неужели от таких смертей
Откупились мы любовью к детям?
Неужели родине своей
За себя достойно не ответим?

Жить не дам нелепой клевете,
Выжгу лицемерное смирение,
Но за что же мы уже не те?
Кто мы, в этом диком измереньи?

Завтра день рожденья твоего,
Друг мой, чем же я его отмечу?
Если бы поверить в нашу встречу,
Больше мне не надо ничего.

1942

Выпуск № 872

Давид Самойлов

Жаль мне тех, кто умирает дома,
Счастье тем, кто умирает в поле,
Припадая к ветру молодому
Головой, закинутой от боли.

Подойдёт на стон к нему сестрица,
Поднесёт родимому напиток.
Даст водицы, а ему не пьётся,
А вода из фляжки мимо льётся.

Он глядит, не говорит ни слова,
В рот ему весенний лезет стебель,
А вокруг него ни стен, ни кровя,
Только облака гуляют в небе.

И родные про него не знают,
Что он в чистом поле умирает,
Что смертельна рана пулевая.
...Долго ходит почта полевая.

1947

Арсений Тарковский

Полевой госпиталь

Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась,
И видел я себя со стороны:
Я без довесков был уравновешен
Базарной жирной гирей.

Это было

Посередине снежного щита,
Щербатого по западному краю,
В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами
И железнодорожных полустанков
С расколотыми черепами, чёрных
От снежных шапок, то двойных, а то
Тройных.

В тот день остановилось время,

Не шли часы, и души поездов
По насыпям не пролетали больше
Без фонарей, на серых лапах пара,
И ни вороньих свадеб, ни метелей,
Ни оттепелей не было в том лимбе,
Где я лежал в позоре, в наготе,
В крови своей, вне поля тяготенья
Грядущего.

Но сдвинулся и на оси пошёл
По кругу щит слепительного снега,
И низко у меня над головой
Семёрка самолетов развернулась,
И марля, как древесная кора,
На теле затвердела, и бежала
Чужая кровь из колбы в жилы мне,

И я дышал, как рыба на песке,
Глотая твёрдый, слюдяной, земной,
Холодный и благословенный воздух.

Мне губы обметало, и ещё
Меня поили с ложки, и ещё
Не мог я вспомнить, как меня зовут,
Но ожил у меня на языке
Словарь царя Давида.

А потом

И снег сошёл, и ранняя весна
На цыпочки привстала и деревья
Окутала своим платком зелёным.

1964

Выпуск № 1136

Борис Пастернак

Старый парк

Мальчик маленький в кроватке,
Бури озверелый рёв.
Каркающих стай девятки
Разлетаются с дерев.

Раненому врач в халате
Промывал вчерашний шов.
Вдруг больной узнал в палате
Друга детства, дом отцов.

Вновь он в этом старом парке.
Заморозки по утрам,
И когда кладут припарки,
Плачут стекла первых рам.

Голос нынешнего века
И виденья той поры
Уживаются с опекой
Терпеливой медсестры.

По палате ходят люди.
Слышно хлопанье дверей.
Глухо ухают орудья
Заозёрных батарей.

Солнце низкое садится.
Вот оно в затон впилося
И оттуда длинной спицей
Протыкает даль насквозь.

И минуты две оттуда
В выбоины на дворе
Льются волны изумруда,
Как в волшебном фонаре.

Зверской боли крепнут схватки,
Крепнет ветер, озверев,
И летят грачей девятки,
Чёрные девятки треф.

Вихрь качает липы, скрючив,
Буря гнёт их на корню,
И больной под стоны сучьев
Забывает про ступню.

Парк преданьями состарен.
Здесь стоял Наполеон,
И славянофил Самарин
Послужил и погребён.

Здесь потомок декабриста,
Правнук русских героинь,
Бил ворон из монтекристо
И одолевал латынь.

Если только хватит силы,
Он, как дед, энтузиаст,
Прадеда-славянофила
Пересмотрит и издаст.

Сам же он напишет пьесу,
Вдохновлённую войной, –
Под немолчный ропот леса,
Лёжа, думает больной.

Там он жизни небывалой
Невообразимый ход
Языком провинциала
В строй и ясность приведёт.

1941

Арсений Тарковский

Земля

За то, что на свете я жил неумело,
За то, что не кривдой служил я тебе,
За то, что имел небессмертное тело,
Я дивной твоей сопричастен судьбе.

К тебе, истомившись, потянутся руки
С такой наболевшей любовью обнять,
Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять.

И грязь на дорогах твоих несладима,
И тощая глина твоя солона.
Слезам солдатскими будешь хранима
И вдовьей смертельною скорбью сильна.

1944

Мария Петровых

из цикла «Осенние леса»

Не наглядеться, не налюбоваться
На эту пламенеющую тишь,
Столь властную, что некуда податься,
И вместе с ней стоишь, горишь, молчишь.

Как памятник, надгробье страстотерпцам,
Что отстояли этот день большой
Единственным неповторимым сердцем,
Таинственной единственной душой,

Как жертвенник, неистово горящий
Во имя тех, которых молим жить, –
Высокая и пламенная чаша,
Её огня вовек не потушить.

Здесь прошлые, здесь будущие годы,
И чудится – впервые жизнь полна
Столь просветлённым воздухом свободы
От звёзд небесных до морского дна.

И беззаветно жить бы мне отныне,
Самозабвенным воздухом дыша,
Чтоб сердце стало крепче этой сини
И чище этой осени душа.

1943

Выпуск № 561

Давид Самойлов

Старик Державин

Рукоположения в поэты
Мы не знали. И старик Державин
Нас не заметил, не благословил...
В эту пору мы держали
Оборону под деревней Лодвой.
На земле холодной и болотной
С пулемётом я лежал своим.

Это не для самооправданья:
Мы в тот день ходили на заданье
И потом в блиндаж залезли спать.
А старик Державин, думая о смерти,
Ночь не спал и бормотал: "Вот черти!
Некому и лиру передать!"

А ему советовали: "Некому?
Лучше б передали лиру некоему
Малому способному. А эти,
Может, все убиты наповал!"

Но старик Державин воровато
Руки прятал в рукава халата,
Только лиру не передавал.

Он, старик, скучал, пасьянс раскладывал.
Что-то молча про себя загадывал.
(Всё занятие – по его годам!)
По ночам бродил в своей мурмолочке,
Замерзал и бормотал: "Нет, сволочи!
Пусть пылится лучше. Не отдам!"
Был старик Державин льстец и скаред,
И в чинах, но разумом велик.
Знал, что лиры запросто не дарят.
Вот какой Державин был старик!

1962

Арсений Тарковский

Памяти друзей

Их так немного было у меня,
Все умерли, все умерли. Не знаю,
Какому раю мог бы я доверить
Последнее дыхание их. Не знаю,
Какой земле доверить мог бы я
Этот холодный прах. Одним огнём
Нам опалило щёки. Мы делили
Одну судьбу. Они достойней были
И умерли, а я ещё живу.
Но я не стану их благодарить
За дивный дар, мне выпавший на долю.
Я не хотел столь дорогой ценой
Купить его. Мне – их благодарить?
Да разве я посмею им признаться,
Что я дышу, и вдовы их глядят
В глаза мои – пусть не в глаза, а мимо –
Признаться им – без укоризны? Нет,
Я вдов не очерню пред мертвецами,
Вдова пройдёт сторонкою и скажет...
Им всё равно, что скажут вдовы их.
Благодарить за то, что я хотел бы

На их могилы принести цветы
В живых руках, дыша благоуханьем,
За шагом шаг ступая по траве,
По их траве, когда они лежат
В сырой земле и двинуться не могут.
Что двинуться? Когда их больше нет.
Ни я, ни вы, никто не нужен им.
А я без них – с кем буду хлеб делить,
С кем буду пить вино в мой светлый день,
Кому скажу: какой сегодня ветер,
Как зелена трава и небо сине?

1945

Выпуск № 1235

Анна Ахматова

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, тёплый и весёлый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчёлы
Нежнейшую из всех бесед.

А мы живём торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налёту ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь.

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.

1915

Даниил Андреев

Из поэмы

«Ленинградский апокалипсис»

.....
А ночь у входа в город гибели
Нас караулила. Всё туже
Январская дымилась стужа
Над Выборгскою стороною...
Нет никого. Лишь зданья вздыбили
Остатки стен, как сгустки туши –
Свои тоскующие души,
Столетий каменный отстой.

Как я любил их! Гений зодчества,
Паривший некогда над Римом,
Дарил штрихом неповторимым,
Необщим – каждое из них;
Лишь дух роднил их всех, как отчество
Объединяет членов рода;
Так пестроту глаголов ода
Объединяет в мерный стих.

Все излученья человеческих
Сердец, здесь бившихся когда-то,
Их страсть, борьба, мечты, утраты,
Восторг удач и боль обид
Слились в единый сплав для вечности
С идеей зодчего: с фронтоном,
С резьбой чугуновой по балконам,
С величием кариатид.

И вот теперь, покрыты струпьями
Неисцелимого распада,
Огнём разверзшегося ада
До самых крыш опалены,
Они казались – нет, не трупами –
Их плоть разбита, лик разрушен –
Развоплощаемые души
На нас взирали с вышины.

Как будто горькой, горькой мудростью,
Нам непонятым, страшным знаньем

Обогатила эти зданья
Разрушившая их война,
И, Господи! какую скудостью
Нам показались беды наши,
Что пили мы из полной чаши
И всё ж не выпили до дна!

1949-1953

Выпуск № 405

Мария Петровых

Апрель 1942 года

Свирепая была зима,
Полгода лютовал мороз.
Наш городок сходил с ума,
По грудь сугробами зарос.
Казалось, будет он сметён –
Здесь ветры с четырёх сторон,
Сквозь город им привольно дуть,
Сшибаясь грудь о грудь.
Они продрогший городок
Давно бы сдули с ног,
Но разбивалась впрах пурга
О тяжкие снега.

И вот апрель в календаре,
Земля в прозрачном серебре,
Хрустящем на заре.
И солнце светит горячей,
И за ручьём бежит ручей.
Скворцы звенят наперебой,
И млеет воздух голубой.
И если б только не война,
Теперь была б весна.

1942

Анна Ахматова

Постучись кулачком – я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...
Твоего я не слышала стона,
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клёна
Или просто травинок зелёных,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студёной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

1942

Выпуск № 588

Анна Ахматова

Вторая годовщина

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И всё проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь – трезвит и сушит
Их всесжирающая соль.

Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стёртом
Твоя «страдальческая тень».

Ещё на всём печать лежала
Великих бед, недавних гроз, –

И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слёз.

1946

Арсений Тарковский

Суббота, 21 июня

Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо:
"Иди сюда, и смерть промчится мимо".

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрёт в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

Что до врага, то всё известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю – не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришёл сюда и что случилось чудо.

Я всё забыл. В окне ещё светло,
И накрест не заклеено стекло.

1945

Выпуск № 771

Анна Ахматова

Памяти друга

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнёт на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

1945

Борис Пастернак

Весна

Всё нынешней весной особое.
Живее воробьёв шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобождённых территорий.

Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы с пространства
И чёрные от слёз обводины
С заплаканных очей славянства.

Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Всё дымкой сказочной подёрнется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золочёной горнице
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетье.

1944

Выпуск № 1319

Арсений Тарковский

Близость войны

Кто может умереть – умрёт,
Кто выживет – бессмертен будет,
Пойдёт греметь из рода в род,
Его и правнук не осудит.

На предпоследнюю войну
Бок о бок с новыми друзьями
Пойдём в чужую сторону.
Да будет память близких с нами!

Счастливец, кто переживёт
Друзей и подвиг свой военный,
Залечит раны и пойдёт
В последний бой со всей Вселенной.

И слава будет не слова,
А свет для всех, но только проще,
А эта жизнь – плакун-трава
Пред той широкошумной рощей.

1940

Николай Заболоцкий

В этой роще берёзовой

В этой роще берёзовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, –
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человечье жильё,
Целомудренно бедной заутреней
Встретить утро моё.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?

Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,

Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опалёнными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемёт.
И тогда в моём сердце разорванном
Голос твой запоёт.

И над рощей берёзовой,
Над берёзовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка, –
Встанет утро победы торжественной
На века.

1946